

ПРОГУЛКИ ПО ПАРИЖУ с Борисом Носиком

ЛЕВЫЙ
БЕРЕГ
И ОСТРОВА

Борис Носик

**Прогулки по Парижу с
Борисом Носиком. Книга
1: Левый берег и острова**

«WebKniga»

2017

УДК 908(44)
ББК 26.89(4Фра-2Париж)

Носик Б.

Прогулки по Парижу с Борисом Носиком. Книга 1: Левый берег и острова / Б. Носик — «WebKniga», 2017

ISBN 978-5-75-161450-8

Этот удивительный путеводитель по великому древнему городу написал большой знаток Франции и Парижа Борис Михайлович Носик (1931—2015). Тонкий прозаик, летописец русской эмиграции во Франции, автор жизнеописаний А. Ахматовой, А. Модильяни, В. Набокова, переводчик английских и американских классиков, Борис Михайлович прожил в Париже не один десяток лет, полюбил этот город, его ни с чем не сравнимый дух, изучил его историю. Читатель увидит Париж д'Артаньяна и комиссара Мегрэ, Эрнеста Хемингуэя и Оноре де Бальзака, Жоржа Брассанса, Ференца Листа, великих художников и поэтов, город, ставший второй родиной для нескольких поколений русских эмигрантов, и вместе с Борисом Носиком проследит его историю со времен римских легионеров до наших дней. Вдохновленные авторской похвалой пешему хождению, мы начнем прогулку с острова Сите, собора Парижской Богоматери, тихого острова Сен-Луи, по следам римских легионеров, окажемся в Латинском квартале, пройдем по улочке Кота-рыболова, увидим Париж Д'Артаньяна, Люксембургский сад, квартал Сен-Жермен, улицу Дофины, левый берег Бальзака, улицу Принца Конде, «Большие кафе» левого берега, где приятно чайку попить, побеседовать... Покружим по улочкам вокруг Монпарнаса, заглянем в овеянный легендами «Улей», где родилась Парижская школа живописи. Спустимся по веселой улице Муфтар, пройдем по местам Хемингуэя, по Парижу мансард и комнатушек. Далее – к Дому инвалидов, Музею Орсэ, и в конце – прогулка по берегу Сены, которая, по словам Превера, «впадает в Париж»

УДК 908(44)
ББК 26.89(4Фра-2Париж)

ISBN 978-5-75-161450-8

© Носик Б., 2017
© WebKniga, 2017

Содержание

Информация от издательства	6
Приглашение на прогулку	7
Вот мы и в Париже... С чего начнем?	9
Еще два слова в похвалу пешему хождению	9
Острова на матушке-Сене	12
Остров Сите	12
От дворцового бульвара до кормы корабля-острова (Сите-2)	17
Собор Парижской Богоматери	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Прогулки по Парижу с Борисом Носиком. Книга 1. Левый берег и острова

Информация от издательства

Носик Б.

Прогулки по Парижу с Борисом Носиком. Книга 1: Левый берег и острова / Борис Носик. – Москва: Текст, 2017.

ISBN 978-5-7516-1450-8

Этот удивительный путеводитель по великому древнему городу написал большой знаток Франции и Парижа Борис Михайлович Носик (1931–2015). Тонкий прозаик, летописец русской эмиграции во Франции, автор жизнеописаний А. Ахматовой, А. Модильяни, В. Набокова, переводчик английских и американских классиков, Борис Михайлович прожил в Париже не один десяток лет, полюбил этот город, его ни с чем не сравнимый дух, изучил его историю. Читатель увидит Париж д'Артаньяна и комиссара Мегрэ, Эрнеста Хемингуэя и Оноре де Бальзака, Жоржа Брассанса, Ференца Листа, великих художников и поэтов, город, ставший второй родиной для нескольких поколений русских эмигрантов, и вместе с Борисом Носиком проследит его историю со времен римских легионеров до наших дней. Вдохновленные авторской похвалой пешему хождению, мы начнем прогулку с острова Сите, собора Парижской Богоматери, тихого острова Сен-Луи, по следам римских легионеров, окажемся в Латинском квартале, пройдем по улочке Кота-рыболова, увидим Париж Д'Артаньяна, Люксембургский сад, квартал Сен-Жермен, улицу Дофины, левый берег Бальзака, улицу Принца Конде, «Большие кафе» левого берега, где приятно чайку попить, побеседовать... Покружим по улочкам вокруг Монпарнаса, заглянем в овейный легендами «Улей», где родилась Парижская школа живописи. Спустимся по веселой улице Муфтар, пройдем по местам Хемингуэя, по Парижу мансард и комнатушек. Далее – к Дому инвалидов, Музею Орсе, и в конце – прогулка по берегу Сены, которая, по словам Превера, «впадает в Париж».

© Борис Носик, наследники, 2017

© «Текст», 2017

Приглашение на прогулку

*... Уехать в Париж,
Чудо-город Париж.
Вот, без сомненья,
Амура творенье¹.*

Г. Аполлинер

*... Бреду сам не зная куда
Со старою книгой над Сеной,
А боль, как речная вода
С ее бесконечною сменой —
И дни мои словно года².*

Г. Аполлинер

Чаще всего в моей нынешней парижской жизни (а ее набежало уже больше трех десятилетий) мне приходится гулять по французской столице с приезжими друзьями. Гуляем, говорим о том о сем, обычно о самом Париже (который я вызываюсь показать), но и о прочем тоже. Прочим являются Франция и, конечно, Россия, страна, где я родился, учился, работал, жил, любил, порой даже женился и путешествовал долгие полвека, – моя страна. Страна, где я и сейчас печатаю книги, куда возвращаюсь – навестить сына, друзей и самые дорогие могилы на кладбище близ Кольцевой... Поэтому ничего удивительного, что и в наших прогулках по Парижу город для нас прежде всего связан с чем-нибудь русским. Это вовсе не натяжка, не «установка» или случайность. Да и звучит это в Париже вполне естественно: Париж, он космополит, со всем миром связан, а с русским-то далеко не в последнюю очередь.

Доводилось мне, конечно, бродить по этому городу и в одиночестве. «Какая это радость, что судьба меня случайно уродила пешим», – воскликнул русский поэт. Понятно, что на своих двоих за краткую нашу жизнь не всюду дотопаешь, но уж в Париже-то гулять надо только пешком. Он, во-первых, невелик, «собственно Париж»: от собора Нотр-Дам, от которого ведут счет километрам во Франции, до окружного бульвара всего-то четыре километра. К тому же он так насыщен памятниками и воспоминаниями, что, даже на велосипеде едуци, рискуешь пропустить что-нибудь важное.

Когда я набредал во время одиноких прогулок на что-нибудь меня волнующее, я досадовал, что не могу поделиться с друзьями. Впрочем, позднее и на эту неразделенность нашлось средство: меня пригласили рассказывать о парижских прогулках в русских передачах Французского международного радио (РФИ). Лет двадцать без перерыву рассказывал (под псевдонимом, изобретенным однажды В. Набоковым для однократного использования, – Василий Шишков). Потом близкое мне еще со времен переводческой моей работы московское издательство «Радуга» (я в нем публиковал переводы с английского – Ивлин Во, Бэнвил, Пинтер) помогло мне пригласить на прогулку и тех, кому ехать в Париж пока еще не на что, некогда или просто не пришло время, а заодно и тех, кто вообще предпочитает путешествовать, не выходя из дому (это и есть настоящий читатель). Ну и, конечно, тех, кто

¹ Перевод М. Кудимова.

² Перевод А. Гелескула.

уже собрался ехать в Париж, – ищет русского гида-рассказчика. Так появилась книжка – вот она перед вами. «Лежит скучает», – как говорил Зощенко...

Недавно одна милая московская редакторша порадовала меня, сообщив, что гуляла по Люксембургскому саду с моей книжкой про Ахматову и Модильяни. Какой же автор не возрадуется, такое услышав? Хотя я, впрочем, вовсе не уверен, что можно гулять по Парижу с книжкой в руках (непреренно на что-нибудь наступишь!). А вот когда считаешь перед поездкой, то потом вспоминаешь на ходу, восхищаясь своей цепкой памятью: «Ах, бульвар Сен-Мишель, да, да... Это здесь наш агент Шварцбард убил ихнего Петлюру!» «Ах, так это за этими гардинами муж Марины занимался шпионажем... Занавески прекрасные... Но бедная женщина! Доля ты русская...» «Это вот тут они все кофе пили? Все эмигранты? А с ними Жерар Филип? Давай и мы выпьем. Одна живем...»

Можно читать наш путеводитель и после поездки. Считаешь, вспоминаешь, все заново переживаешь – будто новая поездка, почти бесплатная: «Помнишь Латинский квартал, где везде народ, мясо, мясо, греки, греки, бутерброды ценой в половину папиной пенсии? Оказывается, туда как раз д'Артаньян и приходил к этой своей, у которой муж был никудашный...»

В поездку путеводитель надо брать с собой для вечернего чтения. В самолете делать выписки: «Улица Бюси, дом 12...»

Но все-таки, наверное, лучше читать книгу после поездки. Возникает желание снова поехать. А раз есть желание, непременно поедешь. Главное в жизни – желания, цените их, они первыми и увядают. Помните, как Хемингуэй?.. Про это, впрочем, тоже есть в моей книжке. В ней много чего есть. Хотя может кое-чего и не оказаться. Кто способен объять необъятное? А Париж, он как море...

Вот мы и в Париже... С чего начнем?

«Очарование Парижа овладевает вами внезапно, как только вы прикоснетесь к парижской земле. И овладевает навсегда. Но только в том случае, если вы знали Париж и любили его задолго до этой встречи.

Для знающего Париж по книгам, по живописи, по всей сумме знаний о нем этот город открывается сразу, как бы покрытый бронзовым отсветом его величавой истории, блеском славы и человеческого гения, обаянием любимых имен, шумом версальских парков, сумраком всегда несколько загадочного Лувра, кипением его пылких народных толп.

Человек же, ничего не знающий о Париже, воспримет его как нечто шумное, утомительное и во многом непонятное.

К. Паустовский

Еще два слова в похвалу пешему хождению

Роясь недавно по старой московской привычке на парижском книжном развале, я обнаружил сразу три новых путеводителя по Парижу и его окрестностям для любителей пеших прогулок: «Париж пешком», «Пешком по окрестностям Парижа» и, наконец, «Зеленый пояс Иль-де-Франс». От этой находки у меня создалось впечатление, что из всех рекомендаций, содержащихся в армейском марше Руже де Лилия (он же французский национальный гимн «Марсельеза»), для потомков наиболее актуальным оказался настойчивый призыв рефрена: «Идемте, идемте...», то есть шагай, шагай! Что современные парижане и делают с большим рвением. Одни из любви к пешему хождению, другие по необходимости, третьи из нежелания окончательно отравлять воздух столицы выхлопными газами, а кроме того, торчать в пробках, а потом мучительно долго искать стоянку, четвертые, наконец, из любопытства и любви к родному городу, который, право же, достоин любви. Разумеется, пешеходные прогулки любят не одни французы. В русской поэзии, и старой и новой, та же любовь нашла достойное отражение. «В век сплошных скоропадских, роковых – слава славному братству пешехожих ступней». Это Марина Цветаева, которая исходила парижские пригороды Медон, Кламар, Ванв, до того Сен-Жиль, а до того – чешские леса под Прагой, а до того – окрестности Коктебеля и Тарусы. Марине вторил и знаменитый пешеход Пастернак, обошедший вдоль и поперек окрестности Переделкина, ныне одной из московских окраин.

Летая из Парижа в Москву и обратно, я более обычного общался с попутчиками-экскурсантами (в Париж с группой – из Парижа с группой). Разговоры с ними зачастую так огорчают меня, что я тут же, в самолете, принимаюсь чертить для них схемы пеших прогулок по Парижу. А разговаривая с теми, кто летит обратно в Москву, я часто убеждался, что большинство из них ограничились в Париже дежурной «автобусной прогулкой» по городу, а не исходили его пешком по заранее продуманным маршрутам; другие вдобавок совсем мало знали о Париже, когда отправлялись на экскурсию. А ведь, помнится, в те времена, когда выехать за рубеж было так трудно, русские, и сидя дома, поражали заезжих французов своим знанием Парижа, французской культуры, литературы, французских песен. Кстати, во французских песнях, там ведь не только про одни Елисейские Поля, там и про Большие Бульвары, и про Менильмонтан, про мосты и Сену...

Париж буквально создан для пеших прогулок. Он ведь сравнительно невелик, а на улицах его и площадях через каждые двести-триста метров вас ждет сюрприз. От северной до южной границы города можно дошагать пешком за полдня. Скажем, если идти со скоростью

5 километров в час от Городка Науки и Промышленности у заставы Ла-Вилетт на северном конце города, то до парка Монсури у его южной границы можно дойти за четыре-пять часов. И чего только вы не увидите на своем пути! И Городок Науки с новым Городком Музыки (все суперсовременное), и прекрасный холм с парком Бют де Шомон (откуда Александр I смотрел на побежденный город), и православный храм со знаменитым богословским институтом на Сергиевском подворье, и канал Сен-Мартен, и больницу Святого Людовика, и площадь Республики, и квартал Тамплиеров в удивительном районе Маре с его множеством дворцов и музеев, и набережную Сены, и остров Сен-Луи, и остров Сите с Консьержери, собором Нотр-Дам, Дворцом правосудия и Сен-Шапель, и лабиринт Латинского квартала, и гору Святой Женеьевы, и Пантеон, и многое-многое другое.

Можно пройти с запада Парижа к его восточной границе, от Булонского леса до Венсенского – мимо Эйфелевой башни и Дома Инвалидов – к Люксембургскому саду и к новой, но уже успевшей стать знаменитой (хотя, на мой взгляд, не слишком интересной) библиотеке имени Миттерана, а дальше – под сень леса, к Венсенскому замку...

Конечно, самое лучшее – еще до поездки отыскать на карте свою гостиницу и придумать для себя маршруты прогулок, короткие и длинные. Недавно моими попутчицами в самолете из Петербурга в Париж оказались две девушки – Наташа и Таня. Они рассказали, что будут жить в «Гранд-отеле Гоблен» на бульваре Сен-Марсель. Порадовавшись за поколение, которое способно заработать на «Гранд-отель» и на Париж, я начертил для них маршруты утренних, вечерних и всех прочих прогулок близ гостиницы: пятнадцатиминутной до памятника Жанне д'Арк, фонтанчика-«уолласа», до больницы Сальпетриер с ее часовней Святого Людовика, до Парка растений и Аустерлицкого вокзала. Утренней, получасовой, – до мануфактуры гобеленов, завлекшей на целый день Петра Великого, а потом и Павла I, до русской библиотеки, основанной Тургеневым, до церкви Сен-Медар, до рю Муфтар с утренним базаром, до площади Контрэскарп. Или от дома, где жил Хемингуэй (а напротив – Декарт), по улице Кардинала Лемуана, а потом по улице Хлодвига до Пантеона и горы Святой Женеьевы. Ну а если есть в запасе еще час-другой, то и вниз: от церкви Святого Этьена на Горе вниз к Сене, по лабиринту очаровательных улочек Латинского квартала – по улицам Лагранжа и Голанда к храму Святого Юлиана Бедного, к улице Бюшри, книжной лавке «Шекспир и Компания», к собору Нотр-Дам, потом по пешеходному мосту, что за собором Парижской Богоматери, на остров Святого Людовика и дальше – в квартал Маре...

Питерские девочки позвонили мне перед отъездом, благодарили за маршруты и за пеший Париж. Они были в восторге (а ведь мне доводилось встречать в самолете Париж – Москва и горько разочарованных, тех, кто Парижа в Париже не нашел).

Восторг молодых туристок меня не удивил. Я и сам после тридцати лет жизни в Париже пользуюсь любым случаем погулять по удивительным этим местам и каждый раз нахожу что-нибудь новое для себя. Да и настоящие парижане, те, кто здесь родился, получают удовольствие от пеших прогулок по родному городу. Вот что сказал корреспонденту одной из столичных газет писатель Эрик Орсена (тот самый, что работал спичрайтером у президента Миттерана, проще говоря, писал за него тексты выступлений):

«Если придется сменить профессию, я могу стать таксистом, потому что Париж знаю как свои пять пальцев. Я брожу один, без телефона, так чтобы со мной нельзя было связаться, брожу по Парижу с тех пор, как мать купила мне первую пару ботинок, которые скоро стали разношенными, как штиблеты Чарли Чаплина. Больше всего на свете меня интересует жизнь улицы. Скоро уже я обзаведусь, как Чаплин, тросточкой и котелком, чтобы прикрыть лысину. Я отношусь к типу фланеров-наблюдателей, изучающих все бесполезное. Я фланер, потому что бреду туда, куда несет меня попутный ветер... И при этом я наблюдатель... Пешая про-

гулка – это отличная доза кокаина, которая побуждает к размышлениям, не слишком раздражая ноздри».

Так гуляет писатель, бродивший некогда по «коридорам власти».

Солидный академик Морис Ренс гуляет по-своему:

«Я хожу пешком в Академию, потому что пешком удобнее и приятнее... Для меня гулять по столице все равно что листать книгу воспоминаний. Со временем воспоминания о добрых и плохих днях моей жизни словно прилипают к фасадам. Хорошие – к домам, окружающим Марсово поле: дома у подножия Эйфелевой башни напоминают о моем друге Поле Моране. Он там жил. Я заходил за ним, и мы гуляли вместе, беседуя. Среди дурных воспоминаний – то, как я был арестован немцами. Я вспоминаю об этом, когда прохожу мимо моей прежней квартиры на авеню Фош».

Писатель Жак Ланцман заявил, что любит гулять без плана и любит терять дорогу – что в Париже, что в Непале...

Ну а мы, которые не были в Непале и не дружили с французскими академиками? Что нам могут напомнить улицы и дома Парижа? Тоже многое... Мопассана и Бунина, д'Артаньяна и Арамиса, даму с камелиями и королеву Марго, Дюма-отца и Гюго, инспектора Мегрэ и Растиньяка, Жерара Филипа и Эдит Пиаф, Нижинского и Дягилева, возлюбленную царя Катю Долгорукую и княжну Тараканову, Тургенева и Набокова, Петлюру и Махно, Брижит Бардо и Жака Тати, Бориса Вильде и Бориса Поплавского, Ренуара-отца и Ренуара-сына, Ходасевича и Цветаеву, Достоевского и Газданова, Ван Гога и Гогена, Наполеона и его победителя царя Александра I, Жореса и Флобера... Все они жили здесь. А может, еще и живут... Город-то все тот же...

Острова на матушке-Сене

Остров Сите

В те полузабытые российские времена, когда считалось, что Землю сотворил не Господь, а кучка террористов, называвшая себя «большевиками», дети сизмальства разучивали дерзкий мегаломанский стишок: «Начинается Земля, как известно, от Кремля». Нечто подобное приходит в голову на крошечном, прелестном островке посреди Сены, в самом центре Парижа: все, мол, начиналось (а может, еще и начинается – как наша с вами пешая прогулка) здесь, на этом самом острове Сите. Нет, не Земля, конечно, и не Европа даже, но, пожалуй, Франция как государство, Париж как его столица и еще кое-что по мелочи, вроде здешних ученых споров, тюрем, городских часов, любовных драм или монаршей филантропии... Что же до города, по которому мы с вами вознамерились гулять вместе, то город уж точно пошел отсюда, да и остров ведь называется «сите», то бишь «город», «городок», «поселение», «городище», – стало быть, весь остров был городом, а весь город умещался на острове.

Еще до того, как расторопные фотографы научились снимать Париж с вертолета, и даже до того, как три островка на Сене слились с островом Сите, составив как бы его острие, нацеленное к морю, остров Сите представлялся людям, наделенным мало-мальским воображением, большим кораблем, плывущим вниз по Сене (неприменно купите себе открытку-фотографию, снятую с воздуха: на ней остров то ли плывет к морю, то ли стоит меж берегов, на века пришвартованный мостами). Что принес он в мир, этот корабль?.. Походим, поглядим...

Конечно, на нынешнем острове, днем многолюдно-туристическом, а ночью пустынным, редко уже посещает столь любимое многими (автором этой книги в том числе) «островное» ощущение, а все же иногда случается... Скажем, в рождественскую ночь в соборе Парижской Богоматери или (если собор полон) на площади перед собором, где радио разносит над толпой весть о рождении Спасителя Христа, пришедшего пострадать за нас с вами... Мерно течет сухая проповедь архиепископа Парижского монсеньора Люстиже, благодушно зябнет на **Папертной площади** (Place du Parvis Notre-Dame) многонациональная толпа иноверцев и христиан, внимая благой вести, как тысячу, полторы тысячи лет тому назад, и никому нейдет в голову, что монсеньор-то Люстиже, он ведь тоже из крещеных евреев (как и сам Иисус Назарянин), так что можно бы и по черепу топориком (как отца Александра Меня в мирном Подмосковье), а раз нейдет в голову такое, то, может, и впрямь плывет корабль-остров по Сене в наше с вами лучшее будущее...

Ну а прошлое? И семьсот лет назад теснились тут озябшие богомольцы в рождественскую ночь. Только Папертная площадь была узенькая, дома подступали близко, и собор еще внушительней нависал над толпой...

Город-остров появился задолго до Рождества Христова, жило в нем сперва кельтское племя, а за полвека до рождения Христа в нем уже хозяйничали римляне, и, надо сказать, не худшее было время, это «римское владычество», потому как наступил вожделенный мир, хотя бы и «римский мир». Pax Romana – целых четыре века мира и спокойствия. Короче говоря, почтенный город Париж на двенадцать веков старше молодухи Москвы, а уж младенца-то Питера...

Город назывался в те времена (и вплоть до 360 года н. э.) Лютеция, почему так, а не иначе, сказать трудно. Скорей всего, происходит эта Lutetia (по Птолею) или Lutocia (по Страбону) – от греческого leucos (что значит «белый», как в слове «лейкоциты») – белой

штукатуркой на фасадах зданий и здешним гипсом. Шутник Рабле, впрочем, полагал, что это название идет от «белых ляжек местных дам». Что ж – топонимическая гипотеза не хуже всякой другой. Есть, впрочем, и множество других объяснений как для названия Лютеции (скажем, от имени одного из потомков Ноя – Люкуса), так и для пришедшего на смену Лютеции в IV веке названия Париж (которое иные производят от имени богини Изиды). С упомянутого выше IV века, когда варварами изгнаны были отсюда римляне и лишился город их защиты, терпел Париж аж до самого X века набеги викингов, такого нагнавшие страху на парижан, что еще и в XVI веке (через полтыщи лет) молили в парижских церквах Господа об избавлении от «страху нормандского»: «А фуроре норманнорум либера нос, Доминэ!» Однако именно победы над норманнами позволили Гуго Капету претендовать на корону Франции и объединить целый ряд земель. Столицей же их стал маленький, неказистый Париж, который в пору варварских набегов съеживался до размеров острова. На острове и стоял королевский дворец, бывший резиденцией французских королей до конца XIV века, а ныне Дворец правосудия – как бы гигантская надстройка на палубе островного корабля.

Прогулку нашу, впрочем, предлагаю начать не с середины корабля, а с корабельного носа, с северо-западной оконечности острова, откуда открывается великолепный вид на парижские берега, на Лувр, Монетный двор и купол Института Франции. Надо сказать, что до начала XVII века (точнее, до 1607 года) у корабля-острова не было монолитного носа. Было здесь еще три островка, отделенных от острова Сите мелководными, замытыми песком проливами, – остров Гурден, остров Перевозчиков коров и остров Евреев. В Средние века на острове Евреев пылали костры инквизиции – сжигали евреев. Место для показательной казни было удобное – публика могла расположиться поблизости, но все же за проливом, и не мешала серьезной процедуре. Весной 1314 года здесь же после долгого процесса и пыток сожгли гроссмейстера богатейшего религиозного ордена тамплиеров (храмовников) и его товарищей. Вину их разбирали семь лет, но главной была не вина, а беда, которая состояла в том, что орден был очень богат и что король Филипп Красивый задолжал ему много денег. Королю легче было разогнать орден и сжечь кредиторов, чем отдать долги. Такой вот театрализованный характер носили тогдашние денежные «разборки» – воистину дикие времена! Иные, впрочем, считают, что жестокая королевская хитрость не сошла с рук красавцу королю и его потомству, которых проклял сжигаемый тамплиер...

На месте былых островов и проливов был построен **Новый мост** (Pont-Neuf) (как видите, на деле очень старый) и разбита совершенно очаровательная площадь. Король-строитель Генрих IV приказал застроить ее на манер Королевской площади (ныне площади Вогезов) одинаковыми домами и дать ей имя его сына-наследника (дофина), будущего Людовика XIII. Эта площадь Дофина и сегодня тиха и живописна, прелесть ее воспевали в своих произведениях Анатоль Франс и Жерар де Нерваль, а многие знаменитые люди были ее обитателями. Я же все жду, что кто-нибудь из моих друзей приедет из Москвы или Бостона и поселится в дешевом здешнем отельчике местье Балитрана «Генрих IV». Однако и новые русские и новые американцы островом пренебрегают и, не щадя дурных денег, селятся близ площади Звезды и Елисейских Полей – дались им эти поля...

Ансамбль прелестной площади Дофина не смогли испортить окончательно ни рьяные реставраторы прошлого века (Ле Дюк нарушил ее замкнутость, чтоб виднее был его Дворец правосудия), ни даже сам этот по-театральному пышный портал Дворца правосудия (XVIII–XIX вв.), который, на счастье, отгорожен ныне от площади рядом каштанов, так что площади все же удалось сохранить свою укромность, интимность, некий аромат старины. Добрый король Генрих IV хотел, чтоб в этом уголке столицы встречались коммерсанты. Теперь здесь обедают за столиками всякие небедные клиенты да мирно гуляют туристы, разглядывая витрины... Томас Манн частенько рылся здесь на стеллажах любимой книжной лавки (у каждого в Париже есть любимые книжные лавки, им несть числа). Мне же недавно посчаст-

ливилось застать площадь совершенно пустынной – гулял и думал: вот сниму себе номер в «Генрихе IV» и поживу хоть день по-королевски...

У Нового моста стоит конная статуя короля Генри-ха IV. В марте 1790 года, в день своего приезда в Париж, молодой Николай Карамзин остановился перед памятником, чтоб отдать должное «самому любезному» из королей Франции. Еще через два года памятник любезному королю был разрушен революционной толпой, однако четверть века спустя его восстановили. Еще через тридцать лет наш Герцен, смешавшись с толпой демонстрантов, испытал на том же мосту прилив революционного энтузиазма. Как видите, энтузиазм людской неистощим...

Двинуться к корме острова-корабля можно по южному его берегу, носящему название **набережной Ювелиров** (Quai des Orfèvres). Набережная возникла в результате присоединения к острову Сите узенького Галилейского острова, а название ее прославлено многочисленными детективами Жоржа Сименона. Именно здесь (в южном крыле огромного парижского Дворца правосудия) размещается Уголовная полиция, куда отправлялся по утрам на работу (со своего бульвара Ришар-Ленуар) безупречный сименоновский комиссар Мегрэ. Как и все профессионалы, тогдашние обитатели этого здания не принимали слишком всерьез литературные приключения симпатичного буржуазного «майора Пронина» и сыщицкие прозрения его создателя. Но ведь герой Сименона и был всего-навсего литературным персонажем (похожим вовсе не на неведомых комиссаров, а на нежно любимого папу писателя из города Льежа), а единственный случай, когда Жорж Сименон (в зените своей славы) сам взялся за расследование настоящего преступления, ничем не подтвердил его сыщицкой интуиции (так что не слишком доверяйте серьезности детективных авторов, даже тех, что имеют юридическое образование). Недавно во французской прессе проскользнуло описание забавной сцены, имевшей место в кабинете современного Мегрэ на той же Кэ-дез-Орфевр. После первого «новорусского» заказного убийства в Париже (убит был талантливый плебей, миллионер Сергей Мажаров) полиция привезла в кабинет комиссара четырех плечистых джентльменов из России, записавшихся в гостинице как «рабочие» и целыми днями соривших долларами в магазинах на Елисейских Полях. Держались они спокойно и вызывающе, пригласили комиссара приехать к ним в Питер, где они ему «устроят баньку» и его «попарят». При этом у них были такие страшные, пустые глаза, что комиссар поспешно приказал доставить их в аэропорт и отправить обратно в Россию.

Прогулка по корме острова-корабля вдоль северного берега (то есть по правому борту корабля) взывает к более старым островным воспоминаниям. Она проходит вдоль северного крыла Дворца правосудия и прославленной тюрьмы Консьержери (здание с круглыми башнями лучше всего смотрится с правого берега Сены или с палубы прогулочного «корабля-мушки» – *bateau-mouche*). Среди немногих строений, уцелевших от старого королевского дворца Капетингов (поглощенного гигантским Дворцом правосудия прошлого века), Консьержери занимает видное место. Короли жили во дворце до самого XV века. Напомню, что среди первых обительниц дворца была прославленная королева – киевлянка Анна, дочь киевского князя Ярослава Мудрого, ставшая супругой короля Генриха I и родившая ему трех сыновей, из которых старший, Филипп I, правил Францией добрых сорок лет. После смерти мужа Анна подписывала (да еще и кириллицей – «Анна Регина») королевские рескрипты, однако вскоре ее похитил (то ли на охоте, то ли на прогулке, а может, вдобавок и с ее согласия – поди узнай через 900 с лишним лет) непокорный вассал короля граф Рауль Валуа, после чего она добрых двенадцать лет прожила в его замке Крепи-ан-Валуа и нарожала ему благочестивых сыновей, один из которых даже был после смерти объявлен святым. Киевлянка Анна (ее называют и русской, и украинкой, и славянкой, хотя папа с мамой у нее были скандинавских кровей) скончалась около 1076 года. Место ее захоронения неизвестно, что дает простор воображению и романистов, и историков (иные из них даже предполагают, что она

вернулась в Киев). На пьедестале памятника, воздвигнутого у входа в церковь Святого Винцента в Санлисе (километрах в 60 к северу от Парижа) монахами благодетельствованного некогда Анной монастыря, написано просто: «Анна из Киева, королева Франции». Надпись на совести монашеской братии, самих монахов, как легко догадаться, разогнали во время Великой Французской революции. Во время той же революции пригодилась и Консьержери, первая парижская тюрьма, ибо какие же революционеры не спешат первым делом заполнить тюрьмы узниками, прежде чем всерьез приступить к казням и раздаче руководящих постов и пайков... Может, именно в связи с этой спецификой революционности слово это в России пользуется ныне меньшим престижем, чем во Франции, где оно, несмотря на неизбежное варварство революций и грязь и кровь (Париж тому первый свидетель), еще окутано флером романтики.

На втором (по-французски, стало быть, первом) этаже Серебряной башни тюрьмы был заключен в пору революции герцог Орлеанский. Лесенка с правой стороны башни, восстановленная в соответствии со старинной гравюрой, ведет в камеру королевы Марии-Антуанетты. В ней и поныне лежит на полу старинный тюремный ковер и хранятся некоторые предметы, принадлежавшие королеве, прекрасной женщине, которую увезли отсюда на казнь 16 октября злосчастливого 1793 года. В камерах и за решеткой в углу тюремного двора томилось в ту пору немало славных людей Франции: поэт Андре Шенье, Прудон, маршал Ней, мадам Роллан, мадам Рекамье, Кадудаль, Ла-Валетт. Иные из них (вроде того же Шенье) были сами революционерами, но позднее, успев посеять бурю, пожинали плоды смерти, – и Дантон, и Демулен, и Сен-Жюст, и Шомет, и жирондисты, и Эбер, и еще многие другие. Палачу королевских времен Анри Сансону досталось в те романтические годы немало работы.

В Консьержери сохранились и были реставрированы великолепные залы начала XIV века, которые, по мнению археологов, можно сравнить лишь с залами папского дворца в Авиньоне и монастыря на горе Сен-Мишель. Так что любители старины, архитектуры, истории, вероятно, не пренебрегут здешним музеем. Кстати, слово «Консьержери» недаром созвучно названию парижских привратниц-консьержек. «Консьержем» тут называли аристократа, который не только имел право разбирать мелкие проступки, но и собирал арендную плату с лавочников, разместивших свои лавочки на первом этаже дворца (в XVI веке их тут было больше двух сотен), а также сдавал жильцам внаем освободившиеся камеры и карцеры.

Набережная Сены, идущая по северному «борту» – от носа «корабля» вдоль Консьержери до самого Дворцового бульвара, называется **Часовой** (Quai de l'Orloge), ибо на угловой башне (ее и называют Часовой башней) еще в XIV веке были установлены первые в Париже городские часы, которые с тех пор не раз украшали и безуспешно чинили (ныне они, увы, снова стоят). Кроме Часовой и Серебряной башен, здесь красуются башня Цезаря, в которой жил король Филипп Красивый, и башня Бонбек (название намекает то ли на «орущую глотку», то ли на «крепкий клюв», известно, что в башне этой размещалась пыточная). Верхнюю часть фасада, между башнями Бонбек и Серебряной, достроил в XIX веке в готическом стиле архитектор Виолле-ле-Дюк. Собственно, три четверти нынешнего дворца – его работа. Лишь со стороны Дворцового бульвара можно разглядеть в глубине двора зажатую в тиски ледюковской готики часовню, воздвигнутую в середине XIII века, вскоре сгоревшую, отстроенную и снова пережившую реставрацию в XIX веке и предназначенную когда-то Людовиком Святым для хранения святых реликвий, купленных им у константинопольского императора, – **Святую часовню** (La Sainte Chapelle). Это один из самых великолепных памятников парижской архитектуры (обратите внимание на витражи, на надгробья).

Что касается гигантского здания Дворца правосудия, то многокилометровая прогулка по его коридорам с сотнями клетушек и залов, аллегорических скульптур, живых фигур

адвокатов в мантиях, стряпчих, судей, стажеров, студентов, потерпевших и обвиняемых, без сомнения, производит впечатление, впрочем, на человека непривычного – скорее тягостное. Я однажды (в пору безработицы и вынужденного безделья) по просьбе знакомой дамы из Италии целый час разыскивал нужную мне комнату, зато, когда нашел, мне там сразу же выдали столь необходимую итальянской даме копию свидетельства о расторжении ее неудачного брака (не знаю, помогло ли это ей вступить в удачный). Несмотря на раздражение, вызванное во мне тысячами судебных и многими тысячами томов с законами и правилами, я должен был признать, что, вероятно, без этого нельзя жить в правовом государстве, где стараются соблюдать законы. И к мнению этому склонялись не одни диссиденты-правозащитники, но самые разные люди. Однажды русский царь Петр Первый наблюдал здесь через особое окошко дебаты в высшем суде королевства (тогдашнем «парламенте», ныне это «зал неслышных шагов») и, выйдя по окончании дебатов, во всеуслышанье выразил свое восхищение: «Законам нужна опора: если их не защищать, их уважать не будут».

Отправившись по Дворцовому бульвару к Сене и мосту Сен-Мишель, мы увидим за углом ту же набережную Ювелиров и вход в Уголовный суд. Мне удавалось много раз без труда заходить в это здание, где особый мой интерес обращен был к залу XVII палаты (если будете смотреть с набережной Больших Августинцев, что на левом берегу Сены, увидите ее окна на втором этаже). Это здесь в конце января 1949 года проходил знаменитый процесс «Кравченко против “Леттр франсез”», на котором сытые французские интеллектуалы (в ту пору все как один левые) доказывали украинским крестьянам, раскулаченным и прошедшим советские лагеря, прежде чем попасть на работы в Германию и в лагеря перемещенных лиц, что никакого ГУЛАГа и никакой коллективизации в Советском Союзе никогда не было, а если они и были, то это все для их же, крестьян, пользы и радости. Коммунистические боссы (иные оказались позднее агентами НКВД) рассказывали, какая в Москве царит свобода слова и как их задарма кормят икрой в Кремле и в гостеприимном «Интуристе». Перебежчик и автор первого антисталинского бестселлера темпераментный Кравченко мало кого убедил, однако процесс выиграл и получил символический франк, а через 17 лет был найден с пулей в голове в номере американской гостиницы.

Нашумевший «процесс Кравченко» был не единственным «русским» процессом, проходившим в этих залах.

В 1928 году дочь Григория Распутина Мария Соловьева пыталась получить здесь с князя Феликса Юсупова 25 миллионов за убийство своего отца. Суд заявил, что он неправомочен разбирать подобные тяжбы.

В 1978 году суд присяжных разбирал здесь дело сына русского офицера-эмигранта Сергея Фабиева, который уже был приговорен трибуналом французской госбезопасности к двадцатилетнему тюремному заключению за то, что с 1963 по 1978 год руководил сетью советского промышленного шпионажа. Еще через семь лет судили тут за то же другого эмигрантского сына – Владимира Золотаренко. Последний процесс такого рода проходил здесь сравнительно недавно. Французский инженер, найдя покупателей в советском посольстве, одной лишь корысти ради переснял в Комиссии по атомной энергии 6000 листов секретной информации и продал. Присудили ему совсем небольшой срок. Вероятно, французская юстиция к этому притерпелась. Ведь еще знаменитый здешний атомщик – коммунист Фредерик Жолио-Кюри, – как обнаружилось недавно из пражских архивов, предлагал передать восточноевропейским товарищам французские атомные секреты. Да и судя по вышедшим недавно мемуарам генерала КГБ Судоплатова, товарищ Жолио-Кюри был нашим товарищам не чужой человек. И миттерановский министр обороны оказался советским агентом. Так что французскому правосудию как-то скучно стало (да и неловко) этими делами заниматься...

От дворцового бульвара до кормы корабля-острова (Сите-2)

Нет повести печальнее на свете...

В. Шекспир

От **моста Менял** (Pont au Change) до **моста Сен-Мишель** (Saint-Michel) проходит поперек острова **Дворцовый бульвар** (Boulevard du Palais). Надо сказать, что поскольку за бульваром тоже лежат по большей части учреждения – парижская префектура полиции, больница **Отель-Дьё** (Hôtel-Dieu), Коммерческий трибунал, – то жителей на острове совсем мало, и если еще вдобавок сезон не туристический, то на бульваре бывает пустынно. Разве что пробегут в соседнее кафе, не сняв мантии, два-три судейских, пройдет полицейская машина или забредет испуганный иммигрант в поисках префектуры. Да еще иногда по утрам за зданием Коммерческого трибунала, поражающим незакаленное воображение приезжего всей роскошью Второй империи – куполом, статуями, парадной лестницей, – оживает очаровательный Цветочный рынок, один из последних в Париже.

От жилых домов, от узких, грязных и живописных средневековых улиц, да и от церквей тоже остров давно расчистили – сперва вандалы Великой французской революции, потом коммерсанты, позднее Парижская коммуна и преобразовательская деятельность барона Османа. Из двух десятков островных церквей остался лишь собор Парижской Богоматери (во всем же Париже с 1790 по 1861 г. было разрушено сто церквей и часовен – больше, чем осталось). Это барон Осман велел очистить от лабиринта старинных улочек нынешнюю Папертную площадь перед собором. Теперь с площади открывается достойный вид на фасад собора, зато нет здесь больше старинных домов, нет и знаменитой таверны «Сосновая шишка», завсегдатаями которой были Мольер, Лафонтен, Буало и Расин. Лежит ныне на Папертной площади бронзовая плита нулевого километра – от нее отсчитываются во Франции километры, ведущие от столицы и, понятное дело, наоборот, в столицу. Так что если увидите на дорожном указателе «Париж-8», то знайте, что это до собора Нотр-Дам, точнее, до паперти его, восемь километров, ну а до границы города (до кольцевого бульвара) – только четыре.

Во время расчистки пространства перед собором и за ним (на Архиепископской площади) исчезло не только любимое кафе Буало, но и дом, в котором он жил. Сам он похоронен в часовне Сен-Шапель, а надгробную плиту его можно увидеть в соборе Сен-Жермен-де-Пре. Вольтер, чей отчий дом и всю улицу поглотил позднее гигантский Дворец правосудия, обращался к Буало в стихах: «Я во Дворце рожден – тебе соседом...» На Архиепископской площади был позднее установлен бюст итальянского драматурга, венецианца Гольдони, который умер в Париже в 1793 году.

С севера огромная Папертная площадь ограничена новым (точнее, прошлого века) зданием больницы Отель-Дьё. Больница эта была первой в городе (и долгое время единственной). Постройку ее (как и постройку собора) предпринял в XII веке славный епископ Парижский Морис де Сюлли. В то время на одной больничной койке теснилось по пять страдалцев, без разбору их пола и хвори. Больница находилась под высоким покровительством королей, и, отправляясь в Крестовый поход, король Филипп-Август великодушно разрешил отдать солому из опустевших конюшен больным на подстилки. При Людовике Святом на одну койку приходилось уже по три пациента (современники мрачно шутили, что на каждой койке найдешь больного, умирающего и уже остывшего). Больница, разрастаясь, заняла пространство между Малым мостом и **мостом Двойной платы** (Pont au Double), имевшим

в ту пору стеклянную галерею (мост был больничный, а двойную оплату за переход брали с тех, кто не имел отношения к больнице, – отсюда и название моста), а потом перешагнула и на левый берег Сены. Новое здание больницы было построено (в 1866–1878 гг.) уже не на южном, а на северном берегу островка, на месте бывшего Приюта для подкидышей.

За собором Нотр-Дам лежат нынче сквер Папы Иоанна XXIII с фонтаном Святой Девы, Архиепископская улица и мемориал Мучеников депортации, воздвигнутый при де Голле (хотя Франция во время последней войны и не понесла особо крупных потерь, некоторое число французов все же погибло во время депортации в Германию).

За больницей Отель-Дьё (название означает «Божий дом», нечто вроде русской «богадельни»), между улицей Арколь, **улицей Прогулочного двора Нотр-Дам** (rue de Cloître Notre-Dame) и **набережной Цветов** (Quai aux Fleurs), уцелел жилой угол острова (считай – правая часть кормы корабля-острова). Некогда он, вместе с прогулочным двором собора (клуатр, киостро, крэйцганг – весьма существенная для прогулок, размышлений или бесед часть соборов и монастырских строений), составлял особый монастырский городок острова. Здесь жили каноники, епископы и прочие служители храма. Были и студенты-семинаристы, ибо школа Нотр-Дам была первой во Франции школой богословия, можно сказать, первым французским университетом, где преподавали такие знаменитые богословы философы и риторики, как Гийом де Шампо, Пьер Абеляр, Морис де Сюлли, святой Доминик и святой Бонавентура. Было в этом северном углу острова несколько церквей и часовен. Одна из них, церковь Святого Иоанна, прилепившаяся к северной стене собора, служила баптистерием (крестильной). Это на ее ступеньках был найден подкидыш-младенец, прославившийся позднее под именем д'Аламбер и ставший одним из составителей первой энциклопедии.

На уцелевших донныне улицах этого жилого квартала и в более поздние времена жило немало французов и иностранцев, достойных внимания. Внимания достойны и их упоминания о своем квартале. Так, в доме № 13 по набережной Цветов в квартире, предоставленной ей на время поэтом Франсисом Карко (автором обруганного Ахматовой романа о Модильяни), жила английская (родом из Новой Зеландии) писательница Кэтрин Мэнсфилд, оставившая описание места своего временного обитания в одном из писем:

«...Над деревьями возвышался Нотр-Дам во всей своей красе. Птицы порхали среди его башен – те самые птицы, вы знаете, которые вечно селятся среди руин. И когда я глядела на них, у меня появлялось желание написать сонет, где они будут присутствовать как образ старости и этих дум, которые приходят и уходят – и эти башни, и эти птицы».

На **Медвежьей улице** (rue des Ursins), **улице Настоятельницы** (rue Chanoinesse) и **улице Масийон** (Massil-lon) жило много писателей. Не раз бывавший здесь Бальзак так описывал этот уголок Парижа в «Мадам де Шантери»:

«Нет места в этой столице идей, откуда открывался бы подобный вид. Ты словно попадаешь на корму гигантского корабля. На мысль приходит Париж всех времен – от римлян до франков, от норманнов до бургундцев, до Средних веков, Валуа, Генриха IV и Людовика XIV, Наполеона и Луи-Филиппа. От всех этих правителей осталось что-нибудь на память, какие-нибудь руины... Воды Сены с шумом бьются о набережную, собор на закате отбрасывает огромную тень».

На углу улицы Масийон и улицы Настоятельницы жил и умер (в 1560 г.) замечательный поэт Жоашендю Белле, не только воспевавший Париж («Величием своим он только Риму брат... дивлюсь ему как чуду»), но и скорбевший о вечном неравенстве, о страданиях бедняка:

И тем обиднее, что даже здесь, мой друг,

Запуганный народ, обилье праздных рук,
Распутство, нищета, и грязь, и ложь повсюду³.

Церкви Сент-Андре-дез-Арк, где крестили Вольтера, конечно, нет больше, как нет церквей Сент-Женевьев-дез-Ардан, Сен-Кристоф, и почти ничего не осталось от часовни Сент-Аньян XII века, в которой святой Бернар проповедовал здешним студентам правила нравственности и среди прихожан которой были Пьер Абеляр и Элоиза, неосторожно преступившие вышеупомянутые правила. Об этих французских Ромео и Джульетте следует рассказать подробнее. Дом, где они жили у каноника Фюльбера, стоял между набережной Цветов (на доме № 9 вы можете нынче увидеть памятную доску и скульптурные медальоны, посвященные легендарным любовникам) и улицей Настоятельницы. Но начнем по порядку – с прославленного Абеляра...

Недавно близ нашего дома в XIII округе Парижа разбили новый сквер, и, придя в него впервые посидеть с книжкой, я обнаружил, что он носит имя Абеляра и Элоизы. Позднее, беседуя с посетителями сквера, я убедился, впрочем без особого удивления, что не только нянечки, гуляющие там с детьми, и не только беспечные школяры, но и другие достойные парижане и слыхом не слыхали, кто были эти два персонажа со странными именами. После моего многодневного и праздного опроса одна милая лицеистка сказала мне все-таки, что это были наши французские Ромео и Джульетта, и я мысленно выдал ей аттестат зрелости, однако не мог не подумать при этом, что все-таки Абеляр был старше и образованней Ромео, да и вообще, можно сказать, был он не последний человек в истории парижского просвещения, педагогики, философии, схоластики, логики и богословия. Но конечно, это все было давно, в XII веке, и, приступая к рассказу о нашем герое, надо прежде всего напомнить, что век этот, который наш школьный учитель с московской Первой Мещанской улицы называл мрачным Средневековьем (так, словно мы-то с ним жили в эпоху какого-нибудь Просвещения или Ренессанса), был веком большого прогресса и тяги к знанию, который можно назвать как бы Предренессансом. Тогдашняя непреодолимая тяга к знанию с самой ранней юности охватила и Пьера из Ла-Палле, что близ Нанта, в Бретани, сына достойного дворянина Беранжера и его супруги Люси. Пьер появился на свет в 1079 году под крышей отцовского усадебного дома и, подросши, не пожелал делать военную карьеру, и даже карьера священника, не вовсе чуждая их семейству, его не манила. А вот изучать с упорством разнообразие наук, а постигнув их, наставлять в них себе подобных казалось ему самым заманчивым делом на свете. И вот он начал учиться, странствуя от одной школы к другой. Школы и центры учености были тогда при монастырях, а иногда и в крупных церквях (до своего первого университета Франции оставалось ждать еще целое столетие). Путь к учености лежал, конечно, через латынь. Латынью надо было владеть хорошо: это было началом начал, основой основ, оттого с таким шиком бродячие школяры и объяснялись, и сочиняли стихи, и распевали свои охальные песни – всегда на латыни. В каждой из школ был свой знаменитый учитель-наставник, и славу о его несравненной учености (или о его жадности, тупости и невежестве) разносили бродячие школяры-ваганты по дорогам Европы. Пьер учился сперва в недалеком Нанте, может, еще и в Ванне, потом слава магистра Тьерри завлекла его в Шартр. Самого его прозвали сперва Петрус Паллатинус, по названию места рождения, потом Петрус Абелардус. Со временем он и стал по-французски Абеляром – Пьер Абеляр. Отчего-то неудержимо тянуло его в маленькую и довольно грязную столицу Капетингов Париж, хоть были тогда в той же Окситании города и больше, и чище, и пристойней. В Париже, где имелось уже несколько школ, поучился он сперва у знаменитого каноника

³ Перевод В. Левика.

Гийома де Шампо при соборе Нотр-Дам. Напомню, что собор был еще прежний – нынешний начали строить вскоре после описываемых событий.

Пьер Абеляр слыл большим знатоком греческого, латыни, священных текстов и Аристотеля, был он также очень силен в силлогизмах, диалектике и схоластических спорах. Сейчас уже не так легко понять и мысль, и горячность тогдашних споров о каком-нибудь «универсуме», но именно в этих спорах, как считают, рождались зачатки современной науки. К тому же споры эти и новые построения должны были по замыслу богословов укрепить веру в могущество Божие, что являлось серьезным делом. И хотя эти богословы, люди, конечно, верующие, церковные клирики, и выбривали себе на голове круглую тонзуру, они вовсе не все постригались в монашество, не все давали обет безбрачия. Пьер тоже выбрил тонзуру, но обета не давал, хотя в ту пору учение и искусство схоластики поглощали его целиком.

Ученые школяры с восторгом внимали спорам наставников, задавали хитроумные вопросы и ждали хитроумных ответов, опровержений, умных построений. Потом они сами выбирали себе учителя, а учитель выбирал учеников и преемников. Мало-помалу слава великого спорщика-диалектика Пьера Абеляра распространилась по всему Парижу, и он понял, что пришло ему время завести учеников среди многих своих поклонников. Магистерское место в школе Нотр-Дам было занято старым Гийомом де Шампо, который вскоре начал побаиваться молодого, блестящего Абеляра, побеждавшего его в спорах и подвергавшего сомнению его построения. Соперничество старого и молодого длилось долго. Пьер преподавал какое-то время в Мелэне и в других школах, но в конце концов приглашен был все-таки в Нотр-Дам. Старый Гийом де Шампо удалился к тому времени в монастырь, а его протеже оказался слаб против блестящего Абеляра, который находился в расцвете сил, таланта и популярности. Он не только был беспримерно силен в Аристотелевой диалектике и непобедим в спорах, логике и красноречии, он еще и учеников умел ободрить, умел выявить талант каждого, он умел учить. Ему было тогда 35 лет, все его усилия, вся энергия были отданы научной карьере, а для женщин и нежных чувств у него словно бы не оставалось ни душевных сил, ни времени.

Но вот как раз в эту пору природа взяла свое. Он услышал как-то от своих учеников, что в городе каноников, за собором, тут же на острове Сите, где по зеленым лугам и среди кустарников бродят коровы, у каноника Фюльбера живет его племянница, дева большой учености, начитанности и таланта. И звалась она романтически – Элоиза. Ученость и начитанность ценились в том узком ученом мирке выше и красоты, и богатства. Молодой профессор был заинтригован и наконец, не выдержав, перешел к действию. Побеседовав однажды с Фюльбером, Пьер убедился, что каноник и глуп и жаден. Племянницей своей он гордился и возлагал большие надежды на удачный брак – при такой красоте и учености вещь вполне реальная. Однажды Пьер пожаловался канонику, что жилье, которое он снимает, и тесно, и дорого, и далеко от собора, от клуатра – внутреннего дворика, где проходят штудии. Вот если б каноник разместил его у себя, он, Пьер, не только платил бы ему деньги, но и бесплатно давал свои прославленные уроки его племяннице. Каноник пришел в восторг от предложения и даже велел учителю быть построже с ученицей, наказывать и пороть ее, если будет лениться. Долго ли могла шестнадцатилетняя поклонница наук сопротивляться блеску учености, красноречию, молодости и горячности молодого профессора! О, она не ленилась, и ее не пришлось наказывать за недостаток любовного рвения. Учитель теперь чаще писал любовные стихи, чем богословские трактаты, и школяры распевали эти стихи по всему острову. Пение их долетало в укромные уголки побережья, где гуляли Абеляр с Элоизой. Днем ученики с пониманием перемигивались, когда изнуренный наставник вдруг засыпал посреди урока. Похоже, что все, кроме почтенного каноника Фюльбера, знали об этом романе. Но однажды, отправившись рано утром будить Элоизу, каноник обнаружил, что она спит в объятиях учителя. Абеляр был изгнан из рая.

Влюбленные в отчаянии писали друг другу горестные письма, а потом Абеляр выкрал Элоизу, отвез ее к себе на родину, где она родила сына, которого молодые поклонники учености нарекли Астролябом. Выяснилось, впрочем, что Элоиза вовсе не спешит замуж. Вероятно, уже и в XII веке попадались феминистки. Одно время Элоиза пряталась в монастыре, где ее посещал Абеляр. Узнав, что племянница (а может, она приходилась ему вовсе и не племянницей) живет в обители, и решив, что она стала монахиней, каноник-дядя пришел в ярость. Ведь у него были такие славные брачные планы на ее счет. Нанятые им негодяи, из тех, что в немалом количестве бродили по улицам тогдашнего Парижа, ворвались ночью в дом спящего Абеяра и оскопили его. В горе был не только искалеченный и униженный Абеляр. Громко, в голос плакали безутешные его ученики. Абеяру стало казаться, что такому, как он, уроду заказан теперь путь на небо. Он решил постричься в монахи и потребовал того же от юной Элоизы. Ей было только 18, но она повиновалась.

Абеляр стал монахом в монастыре Сен-Дени. Он снова стал преподавать, а потом и писать книги. Он стал писателем и философом, написал грамматику, потом книгу о Святой Троице. Жизнь не кончилась, и история наша была бы намного длиннее, если бы мы вознамерились рассказать о всех книгах блестящего Абеяра и о его теориях, которые, кстати, были объявлены ересями на двух церковных консилиумах – в 1121 году в Суассоне и в 1240-м в Сансе. Он участвовал и в знаменитом «споре университетов». Позднее в его искалеченных теле и душе вновь проснулась любовь к монахине Элоизе. Все многолетние невзгоды и гонения, которые Абеяру пришлось претерпеть за это время, он описал в книге «История моих бедствий». Появились у него и новые ученики, и новые беды. Он и Элоиза писали друг другу благочестивые письма. Успокоился навеки Абеляр весной 1142 года, и ей удалось похоронить его в монастыре в Шампани, где она была в то время настоятельницей. Сама она скончалась там же двадцать лет спустя.

Прошло много столетий, и романтики Нового времени обратили свой взгляд к туманным далям того дальнего века в поисках любви, красоты и святости. А деловые люди, видя, что новое парижское кладбище Пер-Лашез не привлекает перспективных клиентов, решили устроить там общий склеп Абеяра и Элоизы, соединив влюбленных за гробом. Коммерческо-романтическая операция удалась на славу, хотя вряд ли на кладбище старинного аббатства, к тому же разоренного в варварскую эпоху Великой революции, можно было еще отыскать через шесть столетий останки бедных влюбленных. Да это ведь и не важно. Важно, что отныне парижские влюбленные совершают паломничество на эту знаменитую могилу. А ученые всего мира пишут диссертации о творениях философа Абеяра. А беспечные дети резвятся в новом парижском скверике, носящем имена этих двух столь далеких от нас и столь близких нашему сердцу парижан...

Собор Парижской Богоматери

*Его ни к чему перестраивать заново —
приладим с грехом пополам...*

В. Маяковский

Перед собором Парижской Богоматери денно и ночью толкуются туристы. Толпы проходят и внутрь собора – заходят, растерянно бредут вдоль стен, вдоль часовен и за алтарем, заглядывают в путеводители и в отчаянии их закрывают: слишком много всякого понаписано... Их растерянность можно понять. Я и сам, приводя сюда русских или американских друзей, впервые попавших в Париж, не знал, с чего начать рассказ о соборе, – слишком много слышали о нем, много пережито с ним всяким из нас, а уж сколько Францией с ним пережито... Ведь это, как здесь выражаются, «собор соборов», это «приход французской истории», во всяком случае, последних ее восьми столетий. Объять умом восемь столетий и все, что означал и означает этот собор, трудно, зато иногда, если повезет, можно кое-что прочувствовать. Скажем, в рождественскую ночь – внутри собора или даже на площади перед собором в молящейся и просто любопытствующей толпе, когда радио разливает над площадью звуки молитвы. Или во время другой какой-нибудь праздничной мессы, когда тревожат душу мощные звуки органа, восстановленного некогда самим несравненным Кавайе-Колем...

Воспоминание о мгновении, пережитом в соборе, будет потом возвращаться к человеку, когда он увидит случайно на картине или на фотографии этот знаменитый фасад парижского собора, и башни его, и розу с витражами, когда услышит мощный голос органа или слова молитвы: «Патер ностер, куи эс ин коэли...» («Отче наш, иже еси на небесех...»).

Отстояв здесь службу 25 мая 1782 года, великая княгиня Мария Федоровна, будущая русская императрица, жена Павла I, урожденная София-Доротея Вюртембергская, делилась на следующий день своими впечатлениями с подругой детства баронессой Оберкирх:

«Эта тайна, этот полумрак витражей, это сооружение, которое дошло из глубины веков и в котором религия обретает такую силу, это ощущение всепрощения и любви. Воистину испытываешь надежду быть услышанной, уверенность в том, что ты услышана, чувство любви и надежду».

Конечно, у тех, для кого французские история, литература, искусство, а также история христианства не пустой звук, – у тех больше шансов пережить в любом соборе волнующие минуты. Вот здесь, чудится, король Людовик Святой шел босой, неся перед собой терновый венец, незадолго до 1302 года, когда гроб его привезли из Туниса и внесли в эти самые ворота. Вот у этой колонны был осиян огнем веры Поль Клодель. А здесь в 1431 году король Филипп IV Красивый открыл Генеральные Штаты. Здесь венчались королева Марго и будущий Генрих IV – странное венчание, она внутри церкви, а он, гугенот, за стенами. Было это в 1572 году. А здесь в Духов день 1717 года проходил с процессией русский царь Петр I. Здесь же служили большой благодарственный молебен по случаю женитьбы Людовика XIV и такой же по случаю Дня Победы в 1945-м. Здесь крестили сына Наполеона I, служили благодарственные молебны по случаю его побед над русскими под Аустерлицем, Смоленском и даже Бородином, не чуя, может, что это начало конца. Здесь отпевали Пуанкаре, Барреса, Поля Клоделя, Леклера и де Латра де Тассиньи, а также генерала де Голля – в присутствии множества глав иностранных государств. И позднее, совсем уж недавно, при таком же стечении начальства высочайшего ранга из всех стран мира отпевали потаенного хитреца-социалиста, все же не перехитрившего смерть, – Франсуа Миттерана.

Это здесь начиналась парижская ученость, и это отсюда молодой эрудит и пылкий любовник Элоизы Пьер Абельяр увел за собой на левый берег Сены учеников и поклонников, подготавливая рождение Сорбонны... Среди этих вот реальных химер Нотр-Дам жили не менее для нас реальные герои романа Гюго, возродившего интерес к храму и способствовавшего его спасению.

Конечно, нынешний собор был далеко не первым по времени христианским храмом Парижа. Еще и в начале XII века стояли на этом самом месте, на юго-восточной оконечности острова Сите, два храма – Нотр-Дам и Сент-Этьен. В 1163 году по повелению епископа Мориса де Сюлли началось строительство огромного нового собора. Продолжилось оно и при новом епископе де Сюлли, однофамильце первого, а в общей сложности растянулось на полтора с лишним века – до 1330 года. Первый этап работ завершился в 1182 году освящением центрального алтаря. Историки искусства сходятся в том, что епископ Морис де Сюлли пригласил для строительства собора воистину гениального архитектора, чье имя осталось нам неизвестным. Позднее, в XIII веке, собор строили Жан де Шелз, Пьер де Монтрей, Жан Рави, Жан де Бутейе, Рэймон де Тампль, и созданное ими творение высокой готики долго оставалось нетронутым, несмотря на эволюцию вкусов, – до самого конца XVII века, когда Робер де Котт согласно пожеланию Людовика XIII стал вносить коренные изменения в интерьер собора. В XVIII веке каноники приказали заменить цветные стекла в витражах бесцветными. Изменения продолжил Суфло, а разгул революции обошелся собору очень дорого. Сброшены были статуи королей иудейских с фасада (простые французы уверены были, что это статуи французских королей, ну а главарям, что пограмотней, вероятно, варварский разгул революционной толпы оказался на руку). Иные из статуй были позднее найдены и теперь хранятся в музее Клюни и в музее Средних веков. Сброшены были и другие статуи, украшавшие порталы, все, кроме статуи Богородицы над воротами, ведущими в прогулочный дворик, в клуатр. Алтарь же был посвящен в те бурные дни некой изобретенной лидерами революционного агитпропа богине Разума, и по большим праздникам роль ее разыгрывала в соборе перед толпой многогрешная актрисуля, чью полузабытую могилку можно увидеть сегодня на Монмартрском кладбище столицы.

Долгие годы славные стены собора стояли оскверненными, разграбленными, ветшающими, но вот в 1831 году выход в свет романа Гюго «Собор Парижской Богоматери» возвестил новое пробуждение интереса к готическому искусству, а в 1844 году появился декрет короля Луи-Филиппа, предписывавший приступить к реставрации собора. Она была поручена Виолле-ле-Дюку, который и осуществил этот подвиг, вложив в него все свое умение и талант, – осуществил, конечно, в соответствии с собственными художественными идеями, в которых у него не было недостатка. И поскольку это его вариант великого памятника предстает сегодня нашему взгляду, надо сказать хоть несколько слов об этом замечательном мастере позапрошлого века, который был и архитектором, и реставратором, и декоратором, и художником, и археологом, и теоретиком искусства, и писателем, трудами своими возрождавшим славу средневекового искусства Франции.

Именно Виолле-ле-Дюку обязана французская культура спасением божественного комплекса Везелэ, реставрацией соборов Тулузы, Санса, Клермон-Феррана, городища Каркассона. Обычно работам его предшествовали упорные археологические штудии, он стремился сохранить и в целом, и в деталях средневековый дух творения, хоть есть, конечно, противники и у его методов, специалисты, которые находят в них избыток романтизма. Так, при реставрации центрального нефа Нотр-Дам он счел нужным наряду с элементами архитектуры XIII века сохранить архитектурную основу XII века, оберегая найденные им в сохранности элементы строения. «Могут ли века сосуществовать?» – вопрошают некоторые. Однако и поклонники, и критики признают, что он был блестящим архитектором и декоратором, этот славный Виолле-ле-Дюк, умерший в 1879 году. Так что, если мы остановимся

сейчас перед западным, главным порталом собора не как богомольцы, а как туристы, не грех будет и нам вспомнить эти два имени – Виктор Гюго и Виолле-ле-Дюк...

Портал производит впечатление такого величия и единства, что невольно утверждаешься в мысли о том, что проектировал его один архитектор, и притом гениальный. По сторонам трехэтажного гармоничного фасада высятся квадратные 69-метровые башни. В южной, той, что ближе к берегу, – тринадцатитонный колокол, в который ударяет полутонный язык, приводимый в движение электричеством. Тут же, в необычной этой колокольне, – старинные скульптуры из собора, чудом сбереженные от безжалостного действия времени и революционного погрома, а также полотна Гвидо Рени, дошедшие из XVII века, и Карла Ван Лоо – из XVIII. Впрочем, не один центральный портал фасада, но и портал Страшного суда, восстановленный по следам того, прежнего, что воздвигнут был в 1220 году, заслуживают нашего внимания при первом неторопливом взгляде на собор, но, конечно, и левый, еще более ранний портал Девы, который славится своей композицией, а также, без сомнения, правый – портал Святой Анны с его средневековыми шедеврами фигурного железа, равно как и колоссальными статуями царей иудейских и израильских, великих потомков Христа, и десятиметровой витражной розой (1220–1225), самой большой и прекрасной храмовой розой своего времени.

Известно, что это величественное архитектурное творение – **собор Парижской Богоматери**, Нотр-Дам де Пари (Notre-Dame de Paris) – определяло позднее облик не только французских соборов, но и тех, что строились далеко отсюда, где-нибудь на севере Европы, например, в шведской Упсале. И при этом не только архитектурный облик всех этих строений, но и особенности их церковной службы или, скажем, характер их религиозной музыки развивались под сильным влиянием таких мастеров музыкальной школы собора Нотр-Дам, как Леонэн или Перотэн. Отзвуки этой школы и отзвуки этого органа долго слышны были во всем католическом мире... да что там музыка, что архитектура – в живопись и в поэзию всех стран вписался величественный образ собора. О нем писал Шагал и восклицал, ликуя, что полет на этих химерах сблизил его Париж с его Витебском. Образом этого собора заклинал искусство молодой Мандельштам и клялся им в стремлении к совершенству:

Но чем внимательней, твердыня Notre-Dame,
Я изучал твои чудовищные ребра,
Тем чаще думал я: из тяжести недоброй
И я когда-нибудь прекрасное создам.

Так вот, прежде чем обратиться к анатомии «чудовищных ребер» или углубиться в толпу туристов, а повезет – и в пристойном одиночестве в таинственном полумрак старинного собора, постоим еще немножко снаружи, у его северного портала, где красуется чуть ли не единственная не тронутая революционным погромом статуя Девы с младенцем, или перед южным порталом Сент-Этьен, сооружение которого было предпринято Жаном де Шелзом в 1257 году, полюбуемся барельефами XIV века у Красной двери, служебной двери каноников, что над северным порталом, а также 45-метровым шпилем, сооруженным Виолле-ле-Дюком в подражание тому, прежнему, средневековому, воздвигнутому в 20-е годы XIII века и разрушенному в конце века XVIII.

Внутри собора – целый лес колонн, множество статуй и арок, здесь же нашли приют 29 часовен, и аллеи пяти нефов, и три огромные розы, еще сохраняющие частично витражи XIII века, и орган Клико XVIII века, восстановленный Кавайе-Колем, ныне самый большой во Франции.

Понятно, что на один даже осмотр часовен с их статуями и картинами нам не хватило бы целого дня, а ведь каждая из этих часовен связана вдобавок с историей Франции и Парижа, со средневековыми обычаями и обрядами, религиозным рвением парижан и устройством их профессиональной и общественной жизни. Взять хотя бы самую первую часовню нижнего яруса с южной стороны собора с ее знаменитой решеткой, алтарем из позолоченной меди, с картиной «Распятый Христос» Кепелена и полотном «Избиение камнями Святого Этьена» кисти королевского живописца Ле Брена, принесенным в дар собору цехом ювелиров-златокузнецов в 1651 году. Приношения, носившие название «мэ» (mai), то бишь «зазеленевшее дерево», совершались братством Святой Анны и Святого Марселя, которое было создано цехом ювелиров, ежегодно 1 мая («май» по-французски тоже «mai»). Первая часовня поступила тогда в распоряжение братства, и набожные ювелиры дали обет приносить ей в дар ежегодно весенним днем 1 мая зеленое дерево. Что и говорить, трогательное зрелище, хотя вряд ли это было так уж удобно, и к концу века золотых дел мастера стали заменять дерево портативным алтарем, сделанным из листовы, а еще позднее (к 1630 году) решили заменять алтарь произведением искусства, какой-нибудь духовного содержания картиной кисти знаменитого мастера. Картины должны были быть размером в три с половиной метра на три, и прикрепляли их к аркадам собора. Приглашенные живописцы вдохновлялись сюжетами «Деяний апостолов». За семьдесят с лишним лет существования этой традиции 76 великолепных картин украсили интерьер собора Нотр-Дам, этого великолепного музея искусств. Многие из картин исчезли во время революции, иные из них потом вернулись в собор, иные нашли прибежище в Лувре или в других храмах Парижа. Что же до первой часовни, то парижские ювелиры лет тридцать тому назад снова взяли ее под свое покровительство. История этой четырехвековой традиции парижских ремесленников поможет хоть отчасти представить себе, сколь бесчисленны нити, которыми этот несравненный «собор соборов» связан с историей Франции, с расцветом или упадком ее веры, с ее тревогами, войнами, поражениями и победами...

Король Людовик XIII, долго не имевший сына, дал обет отдать все свое королевство под высокое покровительство Святой Девы, если Богородица пошлет ему наследника. Он обещал при этом соорудить новый алтарь в соборе Парижской Богородицы и украсить собор скульптурной группой, изображающей Христа и Богородицу после трагедии распятия Христова. Двадцать три года пришлось ждать королю исполнения заветной мечты, однако просьба его была услышана, и в 1638 году рожден был на свет наследник-дофин, будущий Людовик XIV. Последовавшая вскоре смерть короля помешала исполнению обета, и обет исполнил его сын, Людовик XIV. План реконструкции, разработанный по заданию короля Робером де Коттом, совершенно изменил вид алтарной части собора. На первый план выступили мраморные аркады, бронзовые ангелы разместились близ статуй Людовика XIII и Людовика XIV, а трогательная пьета Никола Кусту ушла в заалтарную часть. Новый великолепный ансамбль, включавший наряду со статуями произведения живописи, завершен был созданием мозаики из многоцветного мрамора, и легко представить себе, что неторопливому посетителю или богомольцу приводит он на ум мысли не только об эстетическом совершенстве, но и о вере ушедших веков, о странных заботах сильных мира сего и о бесконечной милости Божией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.